По поводу чудесной книги

И. А. БУНИНЪ. — «ИЗБРАННЫЕ СТИХИ».

СТАТЬЯ Н. А. ТЭФФИ

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ пріѣхалъ въ Парижъ Эренбургъ. Тогда о немъ еще не говорили, что онъ состоитъ на службѣ въ Че-Ка и занимается доносами. Поэтому, кое у кого изъ прежнихъ друзей онъ былъ принятъ. Между прочимъ, и у А. Н. Толстого (тогда еще яраго антибольшевика), гдѣ я его и встрѣтила.

Говорили о литературѣ. Эренбургъ вынулъ какую-то тетрадь.

— Вотъ я вамъ прочту стихи. Это послѣднее сказанное міру слово. Выше этого поэзія еще не подымалась.

Онъ оглянулъ насъ, какъ миссіонеръ присѣвшее вокругъ него черное племя Куку-зу-лу, и сталъ читать.

Въ первое мгновеніе мнѣ показалось, что онъ нечаянно, что называется, «зарапортовался», и языкъ ему не повинуется. Слышалось что-то вродѣ «трякъ, брякъ, кыркъ»... Все ждала, что онъ поправится и наладится, но онъ такъ и доскакалъ до конца, уперся въ какое-то «дрзу» и остановился. Остановился и окинулъ насъ торжествующимъ взглядомъ.

Всѣ смущенно молчали. Повидимому, каждый думалъ, что другіе-то поняли, только онъ одинъ не разобралъ.

— Можно... еще разъ, — робко попросила я.

— Ага! — отвѣтилъ онъ взглядомъ и прочелъ еще разъ.

— Это что такое? — спросила я.

— Это Пастернакъ.

— А что это такое... пастернакъ?

Вспомнилась дѣтская пѣсенка:

«Танцевала рыба съ ракомъ,
А петрушка съ пастернакомъ».

Помню, вѣдь были у новыхъ поэтовъ такіе «перевертени» — читай и впередъ и назадъ, и все равно ничего не выходитъ. Такъ, можетъ быть, и пастернакъ какая-нибудь такая новая выдумка...

— Это стихотвореніе Пастернака.

Вотъ оно что!

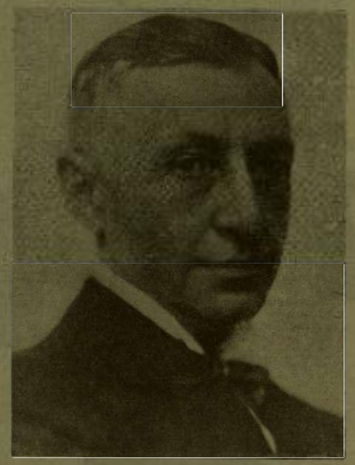
— Знаете, можетъ быть, это и очень хорошо, но я не поняла ни одного слова. Что значитъ «брякъ дркъ»?

Эренбургъ посмотрѣлъ на меня съ отвращеніемъ.

— Эти стихи надо читать глазами, а не слушать.

Такъ вотъ оно что! Вотъ она «Гармонія стиха, божественная сладость». Заткни уши.

— А почему вы думаете, что это стихи? Можетъ быть, это очень хорошее дѣло. Можетъ быть, даже полезное — но почему вы называете это дѣло стихами? Вѣдь никакого же этому нѣтъ основанія. Вы возразите, что, молъ, нельзя такъ просто подходить къ этому великому кладезю, что нужно вдумываться, вчитываться, чтобы постичь этотъ талантъ и насладиться имъ. Но, скажите, зачѣмъ я буду заниматься такой тяжелой работой. Какъ мусорщикъ, разбирать крючкомъ груду тряпья и битой посуды («Брякъ, грякъ, дръ»), чтобы выудить съ радостнымъ воплемъ серебряную ложку...



И. А. Бунинъ.

Теперь говорятъ:

— Пастернакъ уже кончился.

Какъ удивительно быстро кончается все надуманное, выдуманное, искусственное въ искусствѣ. Взгляните: человѣкъ гуляетъ съ собакой, оба идутъ по той же дорогѣ. Но собака суетливо обѣгаетъ вокругъ каждой клумбы, мчится рысью, зигзагами по боковымъ тропинкамъ, ныряетъ въ овраги и снова выбѣгаетъ на широкій, свободный единый путь, по которому идетъ человѣкъ.

Занятны эти собачьи аллюры. И смотрѣть на нее любопытно, но слишкомъ серьезенъ и важенъ и дологъ «единый» путь искусства, чтобы тотъ, кто призванъ пройти его, сталъ унижать себя ерундой.

Посмотримъ, что дастъ міру Пастернакъ, когда онъ покончитъ со своимъ «пастерначескомъ».

Русскія наши души любятъ кликушество. Въ немъ чувствуемъ мы корни, ведущіе изъ «черной глыбы», изъ «сумрачнаго лона» (Влад. Соловьевъ) по сверкающему радіусу къ центру вселенной, къ Богу.

И часто смѣшиваемъ мы истиный хаосъ истинаго таланта съ надуманнымъ, искусственнымъ кривляніемъ. И такъ твердо восприняли мы великій пушкинскій завѣтъ, что поэтъ долженъ быть «прости, Господи, глупъ», — что, если онъ не глупъ, то намъ какъ-то не по себѣ. Точно обманули насъ въ чемъ-то. Подвохъ какой-то чувствуемъ.

— Какъ же это такъ? И ясно и прекрасно.

Тутъ кстати замѣтить, что самъ-то Пушкинъ былъ «прости, Господи» и уменъ, и ясенъ...

Заслуга писателя — излагать ясно глубокія и сложныя мысли, а не наоборотъ: говорить сумбурно о плоскомъ и ненужномъ.

Передо мною книга Бунина «Избранные стихи». Это не кликушество, не тайнопись. Здѣсь поэтъ не является только орудіемъ нѣкоей высшей воли. Онъ творитъ самъ, сознательно, что хочетъ и какъ хочетъ. Онъ никогда не опьяняется словами, не бьется въ падучей творческаго экстаза. Онъ ясенъ, спокоенъ и великолѣпенъ.

Изъ драгоцѣннаго ларца своего таланта онъ холодно и мудро беретъ то, что ему сейчасъ нужно. И радость, которую даетъ намъ его творчество — такая, какая бываетъ у любителя рѣдкостей, которому покажутъ сокровище тончайшей работы.

— Вѣдь, вотъ именно изумрудъ нужно было вплавить среди этихъ алмазовъ. Какъ божественно понялъ онъ это.

Когда-то, помню, читала я его стихотвореніе, гдѣ онъ говорилъ, что на ледяной скалѣ онъ «вырѣзалъ стальнымъ клинкомъ сснетъ».

Только онъ самъ и могъ сказать о себѣ такъ чудесно и точно. Именно «стальнымъ клинкомъ».

Никогда не размазано, не разрыхлено. Никогда не «около». Всегда остро, тонко, единственно.

Необычайность его художественной власти надъ нами въ его чудесномъ дарѣ найти всегда именно тотъ изумрудъ, который, казалось, сами мы выбрать хотѣли, но почему-то не могли.

Помните въ «Митиной любви», когда Митя стрѣляется? Тысячи тысячъ романистовъ описывали этотъ моментъ, и ни одинъ не сказалъ, не смогъ опредѣлить ощущенія

МОСКОВСКОЕ СТОЛПОТВОРЕНІЕ

Китайцы тоже какимъ то образомъ, сопричислились къ «національнымъ меньшинствамъ» въ Россіи, и имѣютъ въ Москвѣ всякія свои учрежденія.

Ленинизированные желтые мальши, изображенные на этомъ рисункѣ, фигурировали въ качествѣ «піонеровъ особаго назначенія» на проведенномъ съ чисто базарной шумихой открытіи въ Нескучномъ саду парка культуры и отдыха.

Отрядъ піонеровъ-китайчатъ въ Москвѣ.

револьвера въ рукѣ, какъ *единственно точно* опредѣлилъ его Бунинъ: «холодный и тяжелый комъ»... Вѣдь, послѣ этого — что еще скажешь? Что придумаешь?

Въ «Избранныхъ стихахъ» Бунина (какъ и не въ избранныхъ его стихахъ) всегда, въ каждой строфѣ вы найдете такое слово или такой образъ, который восхищаетъ своей необходимостью.

«Мычитъ теленокъ, какъ нѣмой...»

Никто не придумалъ этого раньше, а какъ просто и вѣрно!

«Колтунный край древлянъ...»

Одно это слово «колтунный» — и довольно. Вы видите и знаете и чувствуете этихъ древлянъ.

«Большой *соловый* быкъ».

Или вотъ стихотвореніе почти сплошь изъ драгоцѣннѣйшихъ единыхъ словъ.

«Сорвался вихрь, промчалъ изъ
края въ край
По рощамъ пальмъ *кипящій*
ливень дымомъ —
И снова солнце въ блескѣ
нестерпимомъ
Ударило на зелень мокрыхъ вай.
И туча, *противъ солнца смоляная*
Надъ рощами вздвигалась, какъ
стѣна
И радуга горитъ на ней цвѣтная,
Какъ входъ въ Эдемъ *роскошна*
и страшна».

И еще.. любимая моя «Пантера».

«Черна, какъ копь, гдѣ солнце,
гдѣ алмазъ,
Брезгливый взглядъ полузакрытыхъ
глазъ
Томится пьянъ, мерцаетъ то угрозой,
То роковой и неотступной грезой.
Томятъ, пьянятъ короткіе круги,
Размѣренно-неслышные шаги, —
Вотъ въ царственномъ презрѣніи
ложится
И вновь въ себя, въ свой жаркій
сонъ глядится.
Сощурившись, глаза отводитъ прочь,
Какъ бы слѣпитъ ихъ этотъ сонъ и
ночь,
Гдѣ черныхъ копей знойное горнило,
Гдѣ жгучихъ солнцъ алмазная
могила».

Перелистываю книгу...

И на каждой страницѣ останавливаюсь взоромъ и думаю:

«По лѣсамъ бѣжала Божья Мать,
Куньей шубкой запахнувъ
Младенца...»

.....

«А въ дремучихъ заросляхъ,
впотьмахъ
Жались, табунились и дрожали
Бѣлымъ паромъ изъ вѣтвей дышали
Звѣри съ бородами и въ рогахъ...»

И вотъ одно изъ послѣднихъ:

«Мечты любви моей весенней
Мечты на утрѣ дней моихъ
Толпились, какъ стада оленей
У заповѣдныхъ водъ рѣчныхъ:
Малѣйшій звукъ въ зеленой чащѣ —
И вся ихъ чуткая краса,
Весь сонмъ *блаженный и дрожащій*
Ужъ мчался молніей въ лѣса».

Этими словами «блаженный и дрожащій» развѣ не коснулось насъ вѣяніе, не охватило и не увело.

* * *

По свойству души моей я часто вижу гримасы жизни. Такъ, сейчасъ вспомнился мнѣ гидъ въ Луврѣ, который объяснялъ туристамъ красоты Венеры Милосской...

Какъ объяснить красоту? И чары искусства, какъ разскажешь? Все и всегда будетъ только приблизительно...

Тотъ, кто нашелъ красоту, долженъ высоко поднять ее надъ головой и сказать:

— Вотъ! Взгляните!

И замолчать.

Бунинъ давно и найденъ и поднятъ нами.

Вѣроятно, поэтому и называемъ мы его не И. А. Бунинъ, а просто Бунинъ, какъ называютъ тѣхъ, у кого уже нѣтъ имени и отчества, и есть только Имя. Съ большой буквы.

Тэффи.